

Онлайн-конференция «Развитие Legal Tech» (Санкт-Петербург, 20 апреля 2020 г.)

АННОТАЦИЯ

Обзор освещает основные вопросы, затронутые участниками конференции, прошедшей 20 апреля 2020 г. в онлайн-режиме в связи с условиями самоизоляции, применяемыми в рамках пандемии COVID-19. В рамках конференции обсуждались вопросы влияния цифровых технологий на общественные отношения, перспективы и необходимость изменения правового регулирования таких отношений, опыт развития цифровизации государственного управления Китая, а также содержание термина Legal Tech и Law Tech и проблемы, связанные с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: Legal Tech, Law Tech, искусственный интеллект, цифровые права, правовое регулирование, правосубъектность робота

Legal Tech Development Online Conference (St. Petersburg, April 20, 2020)

ABSTRACT

The review highlights the main issues raised by the participants of the conference held on April 20, 2020 in the online conference mode in connection with the conditions of self-isolation applied in the framework of the COVID-19 pandemic. The conference discussed the impact of digital technologies on public relations, prospects and the need to change the legal regulation of such relations, the experience of developing digitalization of public administration in China, as well as the contents of the term Legal Tech and Law Tech and problems associated with artificial intelligence.

Keywords: Legal Tech, Law Tech, artificial intelligence, digital rights, legal regulation, legal personality of the robot

20 апреля 2020 г. при участии Уставного суда Санкт-Петербурга прошла конференция «Развитие Legal Tech» в онлайн-режиме. Конференция была посвящена развитию регулирования цифровых технологий, использование которых приобретает все большее распространение, а также в определенных условиях, как показала ситуация с пандемией вируса COVID-19, становится необходимым. В Конференции приняли участие Дмитрий Александрович Лисовицкий¹, Николай Викторович Разуваев², Александр Евгеньевич Молотников³ и Марина Александровна Рожкова⁴.

Дмитрий Александрович Лисовицкий выступил с докладом на тему «Цифровая информация: вызовы и возможности». Он отметил, что, поскольку право является регулятором общественных, прежде всего экономических, отношений, в частности, отношений собственности и отношений, возникающих в сфере труда, необходимо выделить такие современные особенности этих отношений, как углубляющееся разделение труда, а также их развитие в контексте научно-технического прогресса, к числу проявлений которого относится цифровая информация. По словам Д. А. Лисовицкого, люди пытаются спрогнозировать, как повлияет развитие технологий на процессы, происходящие в обществе.

Строятся различные футурологические прогнозы: от катастрофического снижения трудовой занятости и полного подчинения человека искусственному интеллекту до более позитивных предположений о рационализации трудовых отношений, перехода человека преимущественно к интеллектуальному, творческому труду. Однако оснований для достоверных выводов об изменении базисных общественных отношений, в том числе общественной природы труда как товара, эти исследования не дают. Таким образом, вести речь о качественном влиянии цифровой информации на право как регулятор общественных отношений на данный момент преждевременно.

Например, если рассмотреть вопрос, изменится ли сущностное содержание конституционных прав и свобод, то на сегодня следует вывод, что таких изменений ожидать не приходится, но возможно техническое приспособление субъективных прав к социально-экономическим и политическим

¹ Кандидат юридических наук, начальник правового управления Уставного суда Санкт-Петербурга.

² Доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления РАНХиГС, главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция».

³ Кандидат юридических наук, доцент, руководитель Центра азиатских правовых исследований юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

⁴ Доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, член Экспертного совета Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи, эксперт Российской академии наук, президент IP CLUB.

условиям их реализации. Речь идет, например, о дистанционной реализации прав, что уже сейчас можно увидеть на примере права на доступность медицинской помощи, которое сейчас активно развивается в рамках телемедицины; или избирательных прав, возможность реализации которых с помощью электронных и дистанционных технологий сейчас активно обсуждается и в какой-то мере уже реализуется. То есть сущностное содержание права не меняется, но появляются новые инструменты для его реализации.

Таким образом, делает вывод Дмитрий Александрович, можно согласиться с Председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным, что «цифровые права — это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств»⁵. Конечно, возникают новые вопросы перед правом, например, вопрос правосубъектности роботов, электронных лиц, но на текущий момент это пока теоретические рассуждения, не имеющие реального подкрепления на практике.

В сфере правоприменения цифровизация общества пока не привела к широкому обновлению теоретического и правового инструментария, к изменению структуры права, хотя возникают и дискуссионные вопросы, например, смарт-контракты, вопрос о правовой природе которых обсуждается специалистами.

В докладе *Николая Викторовича Разуваева* «Право цифровой эпохи: новые парадигмы регулирования и познания» были затронуты такие вопросы, как необходимость изучения цифрового общества в целом в рамках комплексного направления, интегрирующего достижения всех общественных и гуманитарных наук.

В цифровом обществе важнейшим ресурсом является интеллектуальный капитал, определяемый как совокупность производимых человеком нематериальных благ (знания, профессиональные и иные навыки, а также результаты интеллектуальной деятельности, права на них и средства индивидуализации). Источником интеллектуального капитала выступает человеческая личность во всей полноте ее проявлений и устремлений, чьи творческие способности становятся важнейшей, в том числе экономической ценностью и основным предметом правового регулирования.

По мнению Н. В. Разуваева, отношения, долгое время преобладавшие лишь в сфере имущественного оборота, в том числе равенство всех участников, становятся основой политической власти, приводя к трансформации государства и права, к изменению их социальной сущности, структуры и формы. Государство, ранее характеризовавшееся относительной обособленностью от гражданского общества (а в ряде случаев и противопоставлявшее себя ему), теперь превращается в один из институтов последнего, строящийся на принципах самоорганизации, присущих гражданскому обществу в целом. Именно преобладание горизонтальных отношений над вертикально-иерархическими следует считать важнейшей особенностью зарождающегося в настоящее время постсовременного государства, представляющего собой форму организации власти в информационном обществе.

Указанное обстоятельство получило свое глубокое и всестороннее освещение в трудах Ю. Хабермаса и его последователей, разработавших концепцию делиберативной демократии, выступающей основным инструментом принятия политических решений в цифровом обществе. Нельзя не заметить, что формирование институтов делиберативной демократии, представляющей собой совокупность механизмов принятия решений по принципиально важным вопросам на основе диалога и согласования коммуникативных действий участников, является результатом инвестиции интеллектуального капитала в политическую сферу, приводящей к его накоплению и росту.

Гарантией эффективности реализации демократических процедур в современных условиях выступает применение цифровых технологий. Не случайно в развитых демократических государствах ведущим трендом сейчас является цифровизация политической и управленческой сфер, использование технологических возможностей для повышения участия граждан в принятии решений на основе широкого диалога и достижения консенсуса. К числу активно развивающихся технологий можно отнести так называемое «электронное правительство» и иные институты цифровой демократии, характеризующиеся высокой степенью интерактивности и открытости к запросам граждан, формирующих повестку дня.

Основой правопорядка в цифровом обществе остается, несмотря на все технические инновации, суверенная человеческая личность, чьи юридически значимые действия вытекают из осознания собственной свободы и одновременно признания свободы и неотъемлемых прав других людей.

⁵ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018, 29 мая.

В признании данного факта состоит разумный консерватизм, характеризующий «юридический способ мышления». В цифровом обществе обеспечение свободы личности, создание максимально благоприятных условий для ее самореализации должны быть основной целью правового регулирования, а характер коммуникаций, определяемый личностными качествами участников, обуславливает любые области правового регулирования. В признании уникальности человека как базового субъекта права видится эффективное средство противодействия дегуманизации общества, относящейся к числу важнейших вызовов цифровой эпохи.

В условиях цифрового общества необходим кардинальный поворот юридической науки, делающий ее способной отвечать на запросы стремительно меняющейся правовой реальности. Важнейшей предпосылкой такого поворота является сближение общей теории права и отраслевых юридических дисциплин, обеспечивающее сходство их позиций по актуальным проблемам науки и практики.

Таким образом, цифровизация общества как мегатренд современного мира нуждается в осмыслении, причем эта задача обладает высокой степенью актуальности не только для социальной теории, но и для юриспруденции. К числу основных принципов, на которых должно базироваться изучение процессов цифровизации права, по словам Н. В. Разуваева, относятся:

- синтез общеправовой теории и отраслевых доктрин;
- развитие сотрудничества ученых с практикующими юристами, чьи разработки обладают значительной ценностью при решении конкретных вопросов;
- расширение международного сотрудничества в целях поиска универсальных правовых инструментов в условиях глобализации коммуникаций.

Александр Евгеньевич Молотников поделился информацией об опыте Китая в отношении регулирования используемых инструментов цифровизации. А. Е. Молотников обратил внимание, что в целом наблюдается следующая закономерность развития технологий: вначале возникает техническое решение, развивается технология, а затем она начинает оказывать воздействие на человеческие отношения, что ведет к необходимости изменения правового регулирования. Интересной особенностью нынешнего этапа развития общества (в том числе и в Китае) является то, что, когда мы говорим о технологиях, мы забываем, что технологии сейчас напрямую связаны с правом, но при этом если технологии глобальны, то право локально. Еще не удалось создать универсальную правовую модель, которую можно было бы применять к различным правовым порядкам.

Таким образом, технологии одинаковы, но последствия из их применения и регулирования абсолютно различны в разных странах. Так, система регулирования в Китае напрямую связана с этическими аспектами. Одной из ключевых проблем является, какие этические принципы будут положены в основу применения технологических изобретений, того же искусственного интеллекта, массивов больших данных, научных экспериментов с геномом человека. И это ключевой аспект, который связан с правовым регулированием.

В отношении цифрового развития Китая существуют две основные позиции: первая, что Китай превращается в цифровой концлагерь, вторая — что это некое цифровое будущее, которое ждет всех нас, и оно не повлияет на основные права и свободы человека. Но необходимо учитывать несколько аспектов. Что касается позиции создания в Китае цифрового концлагеря, то, например, система кредитного рейтинга в Китае воспринимается западной публикой, как правило, негативно, в то время как сами китайцы относятся к ней индифферентно, они не видят в этом ничего плохого, учитывая, что это технология, которая позволяет проанализировать поведение человека и назначить ему определенную категорию в целях получения отдельных услуг, но вокруг этого механизма на протяжении последних лет формируется негативное общественное мнение в западном обществе.

На данном этапе мы находимся на том уровне, когда часто говорят о технологических явлениях, которые должны появиться, но еще не появились. Например, искусственный интеллект на сегодняшний день всего лишь разработка, связанная с нейронными сетями, позволяющая программе за счет анализа огромного массива информации обучаться, принимать некие решения, исходя из полученных данных. Однако это не интеллект, который может принимать независимые решения и независимо от человека управлять определенными процессами. Даже в Китае очень многие наработки еще находятся на базовом уровне. Мы можем собирать большие объемы данных, но не можем их анализировать на уровне, достаточном для достижения желаемых целей. Мы еще не вышли на тот рубеж развития технологий, когда они приводят к возникновению новых систем взаимоотношений, требующих создания особых или новых способов правового регулирования.

В настоящее время в Китае проходит широкомасштабная реформа гражданского законодательства и других отраслей права. Они подходят к этому очень основательно, и уже появляются

нормы, которые будут оказывать влияние на использование собранных баз данных. И через какое-то время уже можно будет проанализировать, по какому пути регулирования технологических решений пойдет Китай. Мы также сможем увидеть, какая модель правового регулирования будет превалировать на международном пространстве, будет это западноевропейский подход или китайская или какая-либо иная модель.

В ходе обсуждения содержания понятий Legal Tech и Law Tech *Марина Александровна Рожкова* отметила, что на текущий момент техническими решениями, которые входят в понятие Legal Tech, являются, например, правовые базы, которыми мы давно пользуемся, это программы, технологии, которые позволяют юристам совершать профессиональные действия. При обращении к правовым базам при помощи применения определенных алгоритмов мы можем обеспечить себя необходимой профессиональной информацией. Таким образом, Legal Tech — это не какое-то сложное понятие, а обычные программы, электронные сервисы, которые позволяют нам осуществлять профессиональную юридическую деятельность. Например, правовые базы данных предлагают не только подбор судебной практики, публикаций по определенной теме, но и возможность составить договор и т. п. Law Tech — это другая сторона медали. Если мы говорим, что Legal Tech помогает юристам, то Law Tech — это те программы, решения, которые позволяют конечным пользователям, то есть потребителям юридических услуг, получать те или иные юридические консультации или доступ к правовой информации, те же справочные правовые системы, инструменты для расчета государственной пошлины и т. п.

Когда мы обращаемся с запросом к тем же правовым базам, то мы понимаем, что поиск ответа на наш запрос осуществляется не вручную, а программным способом. Вот здесь как раз и возникает поле для применения искусственного интеллекта, чтобы упростить задачу юристов и пользователей юридических услуг.

Что же представляет собой искусственный интеллект? Если мы посмотрим существующие нормативные акты, ту же Концепцию об искусственном интеллекте⁶, то найдем в них достаточно сложное определение, которое трудно соотносить с нашим представлением о правовой базе, например. Еще одна сложность в определении понятия искусственного интеллекта состоит в том, что благодаря литературе в широких слоях превалирует представление искусственного интеллекта как некоего робота, наделенного определенными знаниями, который придет, подключит нейронную сеть и решит любую проблему. Даже Европейским парламентом в 2017 г. было предложено ввести в законодательство новую сущность — электронную личность, под которой понимался искусственный интеллект и наиболее продвинутые роботы.

Следует сказать, что эта инициатива во многом основывалась на представлениях о том, что роботы на практике заменяют людей в каких-то работах, что влечет сокращение рабочих мест и уменьшение налогооблагаемой базы. То есть появился фискальный интерес государства в регулировании применения роботов, а также то, что роботы в какой-то мере несут угрозу жизнедеятельности людей и вред, который они могут причинить, нуждается в осознании и правовом регулировании. Соответственно, эта угроза должна была быть оценена специалистами в целях выработки решений, при которых робот сам бы нес ответственность за свои деяния. В качестве реальности такой угрозы в качестве примера приводят робота Софию, который в 2017 г. получил гражданство Саудовской Аравии и тем самым получил правосубъектность.

В действительности искусственный интеллект в упрощенном описании представляет собой компьютерную программу, основными элементами которой являются: база данных; собственно говоря, «решатель» — программа, которая позволяет решать поставленные перед ней вопросы без участия человека; и интеллектуальный интерфейс, который позволяет человеку общаться с искусственным интеллектом.

В качестве примера можно привести ситуацию с Amazon: отдел кадров Amazon проводил кампанию по набору сотрудников для разработки технической сферы, IT-специалистов, с использованием искусственного интеллекта по определенному алгоритму. В ходе процесса отбора резюме

⁶ Имеется в виду проект Концепции развития регулирования в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., разработанной Минэкономразвития России совместно с Фондом «Сколково», ПАО «Сбербанк», ПАО «МТС», Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации, Национальной ассоциацией участников рынка робототехники, Фондом «Центр стратегических разработок», ООО «Яндекс», Mail.ru Group и представителями иных организаций и представленной на рассмотрение рабочей группы «Нормативное регулирование» АНО «Цифровая экономика» 17 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rabochaya_gruppa_ano_cifrovaya_ekonomika_odobrila_razrabotanny_minekonomrazvitiya_proekt_koncepcii_regulirovaniya_v_sfere_iskusstvennogo_intellekta.html (дата обращения: 07.05.2020). — Прим. ред.

выяснилось, что программа отклоняет все анкеты женщин. По результатам проверки было установлено, что в качестве базы данных искусственному интеллекту была предоставлена база резюме программистов за последние десять лет, когда этой работой занимались в большей степени мужчины. Искусственный интеллект на основе заложенного в него алгоритма и предоставленной для обучения базы данных и производил отбор анкет. Программа была приостановлена, Amazon пришлось принести публичные извинения за допущенную ошибку. Как можно увидеть, создать идеальный алгоритм изначально практически не представляется возможным, так как учесть все нюансы крайне затруднительно. В этом и заключается одна из основных проблем использования искусственного интеллекта.

Раз это программа, то она может закладываться и самим роботом. При этом часто мы представляем роботов как гуманоидов, но на самом деле роботы и интеллектуальные роботы (роботы последнего поколения) могут иметь совершенно любой вид, а задача, для которой они созданы, обусловлена целями, которые перед ними поставил человек. На сегодня робот — это физическая оболочка для искусственного интеллекта, которая им управляется, говорить о том, что робот — субъект права, никаких оснований пока не имеется. Изначально информация в него заложена человеком, алгоритм работы создан человеком, цель поставлена человеком. Говорить о том, что этот робот-объект наделяется полномочиями, функциями и правомочиями, схожими с человеческими, настолько рано, что даже странно, что этот вопрос был вынесен на такое широкое обсуждение в Европе.

На сегодня нет оснований говорить, что робот может обладать правосубъектностью.

Но много вопросов возникает в связи с использованием и развитием искусственного интеллекта. В частности, это вопросы субъекта ответственности за причинение вреда: кто должен нести ответственность за негативные последствия, возникшие в результате использования искусственного интеллекта, — человек, который нажал кнопку, разработчик, владелец этого объекта? Много вопросов связано с возникновением прав интеллектуальной собственности в результате применения искусственного интеллекта. Однозначно, нет оснований говорить, что эти права возникают у роботов, но вот возникают ли они у владельца или у разработчика робота — вопрос остается пока не разрешенным.

На сегодня искусственный интеллект — это вспомогательный инструмент. Например, в Южной Америке был проведен опыт по вынесению решений с использованием искусственного интеллекта в рамках рассмотрения дел об административных правонарушениях. В 90% случаев юристы согласились с принятыми искусственным интеллектом решениями. Но это были действительно дела элементарные, которые требуют применения законов без оценки фактов. Как только мы переходим в плоскость гражданско-правовых дел, где очень много оценочных категорий, субъективных моментов, где мы вынуждены применять аналогию права, аналогию закона, то в таких делах применение искусственного интеллекта невозможно. В то же время искусственный интеллект может быть в этом случае хорошим помощником юристам при подборе судебной практики, литературы.

Получается, резюмировала Марина Александровна, что на текущий момент правовое регулирование интеллекта пока не очень развито, но и рано говорить о том, что отношения с использованием искусственного интеллекта срочно нуждаются в правовом регулировании. При этом поскольку много вопросов возникает в связи с использованием технологий искусственного интеллекта, эти вопросы уже должны обсуждаться профессиональным сообществом, чтобы, когда мы выйдем на соответствующий уровень технологий, требующих особого регулирования, не быть в растерянности и решать вопросы в соответствии с готовыми законодательными решениями.

В заключение участники конференции поблагодарили организаторов за предоставленную возможность обменяться мнениями и выразили надежду на продолжение обсуждения актуальной проблемы применения цифровых технологий в праве.